

16+

КНИГА ЗЕЛЁНОГО КАМНЯ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БРИЧЕВ

ПЕРВЫЙ РОМАН ИЗ СЕРИИ О ЕДИНОМ МИРЕ

Александр Александрович Еричев
Книга зелёного камня
Серия «Единый мир», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50186812

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07951-9

Аннотация

Его ждало прекрасное будущее – будущее выпускника Академии магии. Он был рождён стать великим магом, пусть и не таким, как его отец. Но однажды один за другим Великие Магистры начали погибать, и ему выпала миссия выяснить, кто или что стоит за этими смертями.

Александр Еричев

Книга зелёного камня

Это было непростое задание. Оно требовало полной концентрации от испытуемого. Одна ошибка, и его отправят обратно в Академию. Начинать всё заново. Не то чтобы ему не нравилось там, он бы с удовольствием провёл там ещё четыре года, закрепляя полученные знания и оттачивая мастерство. Но куда больше он желал идти дальше. Целый мир ждал его искусства.

Молодой человек непримечательного вида похлопал себя по груди и бёдрам, заставляя собраться. Этот приём он заимствовал у своего отца, Великого Магистра, к слову, одного из Восьми. Конечно же, родным отцом тот ему не был, так как возраст почтенного мага был немногим меньше Единого мира, однако юноша свято чтит своего отца, уважал и, да, пытался во всём ему подражать, не всегда осознанно. А как же иначе, если тебе только семнадцать лет?! К тому же все друзья и одноклассники, да и вообще многие его сверстники, все боготворили его отца.

Когда-то Восемь были первопроходцами, исследователями. И их действительно было восемь. Сейчас же, много веков спустя, среди живых пребывали только четверо, двое из которых уже и не помнили своего имени. Что уж говорить о заклинаниях.

Началось! Стены комнаты начали перестраиваться. Хитрые механизмы, подпитанные магией мастеров-банемидов, передвигали каменные блоки в стенах, с едва уловимым скрежетом, высвобождая металлические трубки, которые устремлялись своими раскрытыми в молчаливом возгласе ртами к испытываемому.

Перископы иллюзий.

Он слышал о том, что довольно-таки часто именно они являются первым испытанием, но до последнего надеялся на что-нибудь попроще, ведь нередко умелые и целеустремлённые выходцы из Академии спотыкались именно о них и возвращались к снисходительным улыбкам учителей и смешкам студентов-одногоруппников, по неопытности своей уверенных, что они, вне всяких сомнений, справились бы уж точно!

Перископы иллюзий традиционно делались из трёх материалов – металла, стекла и камня. Каждый тип оказывал воздействие на определённый мыслеплан. Любому в Едином мире известно, что мысль формируется и одновременно существует в трёх плоскостях, смежных и имеющих весьма зыбкие границы. Однако же далеко не все способны отделить один мыслеплан от двух других и удержать мысль неизменной. По большому счёту именно этому и учили в Академии.

Молодой человек стиснул зубы и сконцентрировался. В его голове нарастал шум. Предстояло же ему произнести восемь заклинаний с использованием четырёх стихий (воды,

земли, огня и ветра), по одному на каждую в отдельности и по одному, связав несколько стихий.

На поясе ученика всегда имелись все необходимые компоненты, требовалось лишь освободить разум и провести цепочку мысли через все мыслепланы, не изменив её целостности. В противном случае заклинание не удастся, и он зря истратит ограниченные в количестве компоненты (как-никак экзамен, запасных не выдавалось).

Металлические трубки Перископа иллюзий начали вибрировать, издавая тихий гул. Они были из стали, хотя вне Испытаний использовались более благородные металлы, вроде золота и серебра, ведь проводимость последних куда выше. Однако новичок в магии никогда не смог бы противостоять текущей по таким трубкам силе, ввиду этого обстоятельства на Испытаниях использовали железо и его производные.

Цель этих перископов заключалась в том, чтобы воспрепятствовать прохождению заклинания через так называемый передний мыслеплан – «очевидный». Даже если глаза закрыты, то именно на нём возникают картины прошлого, образы предметов и людей и прочее, постоянно сменяющееся, перетекающее друг в друга, откуда человек способен мыслить. Перископ иллюзий в свою очередь захламляет этот мыслеплан, усиливая поток ненужных мыслей. В Последней Войне, поразившей и едва не уничтожившей Единый мир, золотые перископы очень сильно испортили жизнь боевым магам.

Ловко вынув из кармана фляжку с морской водой, юноша свинтил с неё крышку и полил себе на ладонь, произнося магические комбинации слов, призванные усилить мысль. Он решил создать дождевое облако. Шум в голове возрос в разы, как только он об этом подумал. Перед ним возникло множество видений. То, к чему он стремился, чего желал, что внушало страх и сомнения.

Однако мысль его была крепка и, набирая силу, уверенно проходила сквозь все три мыслеплана. Лишь единожды она дрогнула и чуть не расщепилась, когда в его голове возникло неожиданное видение Рамиллы, девушки из Академии, в которую по собственному разумению он был безнадёжно влюблён.

Наблюдавшие за испытанием эквиллы заметили эту секундную слабость и настроили перископы на этот поток мышления, уверенные, что пылкое подростковое сердце возьмёт верх над разумом, как это часто происходило многие годы на тысячах Испытаний.

Однако этот юноша был не таким, как все, уже потому лишь только, что рос под попечительством Великого Магистра, а это подразумевает нешуточное тщеславие и целеустремлённость.

Он соткал облако, пролив дождь на каменные плиты, которые тут же впитали влагу, не оставляя возможности использовать её вновь. Затем было маленькое торнадо, слабый пучок искр в воздухе, разросшийся в размерах камешек.

Огонь и земля давались ему с трудом, но он справился, а разум его был чист и свободен от воздействий извне.

Первый этап он прошёл почти что на отлично, как подметили довольные наблюдатели. Но впереди были ещё два, требовавшие больше усилий. По два межстихийных заклинания на каждом этапе.

Снова стены стали перемежаться, блоки сдвигались и разбегались, и вот на смену металлическим трубкам пришли стеклянные. Конечно, это было простое стекло, по качеству воздействия которое уступало зеркальному, как сталь – золоту. Стекло было призвано занять мыслями менее явный мыслеплан, являющийся теневым продолжением первого.

Умелому магу проще всего собрать воедино стихии воды и ветра. Особенно если в них он куда сильнее. Но беря во внимание то обстоятельство, что его мыслепотоку будут препятствовать, то разумнее всего было начать со сложного. Необходимо было сотворить сгусток магмы либо вулканический пепел. Испытуемый выбрал второе.

Его одежда взмокла, руки слегка тряслись, лоб блестел, глаза горели решимостью. Он почти прошёл. Мало кому это удавалось с первой попытки, но он сможет это сделать. Должен был.

Эквиллы уже засомневались в своих поспешных выводах относительно этого ученика. Та слабость, которую они подметили, больше не давала о себе знать, а новая не проявилась. Пока давить им было не на что. Однако у этих искущён-

ных в магических проверках и искусствах господ был огромный опыт в таких делах, и они знали, что юноша – сын Великого Магистра, потому они решили сыграть на этом в следующем этапе. Возможно, то было не совсем честно, ведь учеников-детей магистров не было помимо него.

Второй этап уже был позади. Последнее заклинание, последнее усилие – и он станет магом-академистом, перестав быть жалким неофитом при Академии. Он сможет, он станет по-своему великим, быть может, откроет что-нибудь новое в мире магии, как это сделали Восемь в своё время.

Тем временем комната снова изменилась. На этот раз на него хищно глядели каменные трубки, инкрустированные гранатом, чей томный блеск уже сам по себе воздействовал на мысли.

Третий мыслеплан, напрямую связанный с подсознанием, богат лишь отблесками мыслей, нежели ими самими.

Всё, что требовалось от испытуемого, сделать маленькую метель, используя две стихии, удерживая границы с помощью третьей. Юноша практиковался в этом долго и усердно, так что трудностей он не ожидал. Не замечая тонкий писк в голове, он плёл заклинание, не думая больше ни о чём другом. Комбинации слов и нужные движения руками, казалось, сами собой вершили магию. В этот момент он чувствовал себя лишь проводником великой силы, что питает всё вокруг, он был подобен небу, подобен истёртой миллиардами ног земле, словно ветер, он был свободен от мыслей, он ощу-

щал себя бесконечно могущественным, как... Как его отец!
Он заставит его гордиться сыном!

Мысль ещё не угасла, но молодой человек понял, что всё кончено. Заклинание разрушилось в секунде до обретения заданной формы. Вода, что ещё недавно кружилась в воздухе, замерзая и превращаясь в мириады снежинок, плюхнулась на пол и испарилась.

Юноша опустил подборок на грудь. Слезы душили его, но он сдерживал их, сжимая до боли свои кулаки. Он был зол и подавлен. Ему хотелось рыдать и ругаться, бить и пинать движущиеся стены, перестраивающиеся в свой изначальный вид, потешавшиеся над очередным самонадеянным юнцом, провалившим Испытание.

А ведь он провалился.

Он не смог.

«Всё из-за него!»

***

Эквиллы, проанализировав всё, что произошло в комнате испытаний, зафиксировали свои выводы на информационную табличку, которая представляла собой очень тонкую металлическую карточку, покрытую множеством магических символов. Эти карточки обширно использовались магами для отправления сообщений друг другу. И то были не просто письма или череда образов, а самое что ни на есть визуально-слуховое представление. Маг, беря такую пластину

и прочитав символы на ней, мог видеть и слышать то, что хотел показать ему отправитель, причём так, словно он сам становился свидетелем происшедшего.

Информационную табличку отправили с курьером-послушником в Академию, чтобы старшие маги-академисты, изучив и внося все данные в архивы, отправили её далее, Великому Магистру, который лично курировал деятельность всех старших чинов в Академии и назначал дисциплины, изучение которых помогло бы ученику пройти Испытание в следующий раз. Через четыре года.

Молодой человек стоял с гордо поднятым подбородком и с вызовом глядел на сидевшего напротив ветхого старика, из-за кустистых седых бровей которого было невозможно отследить направление его взгляда.

В кабинете магистра воздух, казалось, поглощал все звуки, чтобы ничто не нарушало повисшую в нём абсолютную тишину. И именно эта тишина подначивала юношу сделать или сказать что-либо.

Он открыл было рот и попытался выпалить что-то, но ни звука не было издано им. Тишина была непоколебима. Магия кабинета поглотила все звуки, не дав им набрать силу.

«Отец в своём репертуаре, кто ж сомневался! Ему, как всегда, нет дела до того, что я хочу сказать», – эта мысль не осталась незамеченной, и магистр поднял брови, чтобы сын взглянул в его глаза. В них были сокрыты великая мудрость, отпечаток различных эпох, ушедших в никуда, жизнь

и смерть, боль и любовь. Глядя в эти глаза, молодой человек почувствовал себя блохой, увидавшей великана. Взгляд старика смягчился, он прочёл и эту мысль.

– Сын, ты ещё слишком молод, но уже на верном пути, – его губы не шевелились, тишина не была нарушена ни малейшим колебанием воздуха, – эквиллы сыграли с тобой злую шутку, не позволив пройти Испытание.

Молодой человек опустил глаза и принялся изучать свои сандалии.

– Тебе не из-за чего себя корить, ты не смог бы пройти его, покуда пребываешь в моей тени, ищешь моего признания, хоть ввиду возраста не признаёшься себе в этом.

Юноша никак не реагировал на слова отца. Точнее, на посылаемые тем мысли.

– Я признаю тебя, сын мой. Из своего поколения ты лучший маг.

Это выбило из него всю спесь, он ошарашенно уставился на отца, ведь тот никогда не шутил, будучи всегда предельно серьёзным.

– Да, я признаю тебя, – эти слова магистр произнёс вслух, что подействовало подобно внезапному раскату грома.

– Я не понимаю, отец...

– Не нужно искать причины всему происходящему, сын. Ты не вернёшься в Академию ни как неофит, ни как академик. У меня есть куда более важное дело.

И далее уже без слов, снова погружая свой кабинет и мир

сына в почти физически осязаемую тишину, добавил:

– Ты должен исправить мою ошибку. Ошибку Восьми.

– Что за бессмыслица! Единый мир сейчас не раздираем войнами, люди живут в мире и благоденствуют, а последний ихтимандр был убит более двух сотен лет назад. Никогда ещё раньше мир не был надёжнее и крепче, если судить по книгам. Люди и банемиды трудятся вместе. Мы в безопасности! Магия, технология, мыслительство! Мы...

– Довольно.

Старик поднялся и вышел из-за стола. Несмотря на весьма и весьма почтенный возраст, он стоял прямо и твёрдо на своих ногах, а его спина не была согнута, как у куда более молодых старожил, населявших этот мир.

– Ты многого не знаешь. Никто не знает. Но я тебе всё покажу.

Сказав это, он приложил костлявый палец ко лбу сына.

– Смотри же...

***

...Его мир исчез. Он знал, что находится в кабинете отца, но с каждым мгновением это казалось ему менее реальным.

Перед его глазами бурлили потоки лавы, кипели реки, вздымались и осыпались горы, бушевали ураганы. Всё перемешивалось, рушилось и созидалось. Это был хаос, великий и прекрасный, но пугающий своей мощью и бессмысленностью.

– Тода! – сначала он решил, что ему показалось, будто отец позвал его по имени, ведь кругом всё гремело и шипело, создавая неслыханный гул. Однако голос вновь позвал его. – Тода, смотри дальше, смотри выше!

И он посмотрел.

Запрокинув голову кверху, юноша упал и... полетел, продолжая стоять. Это ставило его разум в тупик, подводя его к краю пропасти безумия. Он был мал, наподобие камешка под ногами, но расширялся до размеров неба. Не в силах больше этого выносить, Тода зажмурился.

Что-то изменилось.

Стало тихо?! Нет, не совсем. Он различал голоса. Несколько голосов.

Открыв глаза, молодой человек заметил восемь фигур, стоявших в полумраке тесной каморки. Они говорили о войнах, которых не было, об опасностях, которых не существовало.

– Это чушь! Вы знаете, что мы можем, и знаете, что мы должны! – резкий женский голос, бросавший каждое слово с неприкрытым вызовом.

– Согласен. Но также мы должны всё ещё раз обдумать, оценить и взвесить, – глубокий явно мужской басистый голос.

– Уже обдумали, мы ведь проголосовали, разве нет?! – этот голос Тода знал. Конечно, звучал он иначе: молодо, уверенно, но то был голос его отца.

– Если мы этого не сделаем, мир постепенно будет уничтожен. Одна за другой островные провинции сгорают в жерле войны, тысячи наших собратьев гибнут каждый день. Вы знаете, что мы должны. Больше разговаривать не о чем.

Образ комнаты растаял, его сменил иной, более загадочный.

Пустой город, прекрасный, как столица Единого мира, Ллорндер, в котором находилась академия. Эти же белокаменные здания, мостовые, мощённые зелёным камнем, редким и умиротворяющим, раскидистые деревья, создающие приятную тень для прохожих... Но только не было ни одного прохожего, а стены некоторых домов были обильно испачканы чем-то бурым. Тогда догадывался, что это было, судя по характеру пятен. То тут, то там он замечал проломы в стенах, засохшие брызги крови, вывернутые из земли булыжники. Что-то очень сильно смущало юношу, только понять, что же именно, он сумел лишь в момент, когда город начал таять перед ним, освобождая место новому образу. Тишина, абсолютная тишина, ни пения птиц, ни шелеста листвы... Так звучал мёртвый город.

Он снова увидел восемь тёмных фигур. Тёмных от того, что прямо перед ними бушевала стена пламени, испуская нестерпимо яркий свет и невероятный жар. Среди рёва пламени молодой человек различил голоса как мужские, так и женские. Он мог бы назвать по имени обладателей этих голосов, если бы его спросили. Ведь это были те самые Восемь.

Но что они делали, ему было неизвестно.

«Наверное, оттачивают мастерство, не иначе», – именно это подумал бы каждый ученик в Академии, предстань его глазам это же зрелище. Ведь то были легендарные Восемь, привнёсшие в мир магии всё то, что спустя много веков воспринималось как само собой разумеющееся. К примеру, силу стихий.

Однако Тода чувствовал небывалую мощь, силу, пронизывающую его насквозь. Это не была тренировка. Легендарные маги творили нечто такое, что затрагивало все их силы.

Две фигуры отделились от остальных и, взявшись за руки, направились напрямиком в ревущее пламя. Какой бы силой они не обладали, Тода был абсолютно уверен, что этим двоим конец. Как только фигуры приблизились к огню вплотную, их объяло пламя, разом усилившееся. Он слышал их крики. Но то не были крики боли, ужаса или отчаяния, нет, то были слова какого-то заклинания.

Что-то происходило. Огонь как будто начал съёживаться, стена бешеного пламени стремительно собиралась в нечто, имевшее форму. Пламя становилось... Твёрдым? Тода не мог подобрать описания открывшемуся его глазам зрелищу. Стена огня обратилась в человеческую фигуру. Или банемиды, судя по размерам.

Те двое, что были в пламени, стояли нагие, припав на колени, покрытые копотью. На их головах не было ни волоска, а обильные участки тел покрывали жуткие ожоги. Остальные

шестеро продолжали нараспев читать заклинание. Человек из огня извивался, корчился, становился то больше, то меньше. Тогда показалось, что тому безумно больно.

И только эта мысль пронеслась в голове юного мага, как вдруг существо закричало. Этот жуткий вопль разорвал действительность, и Тогда выпал во тьму.

***

– Великий Магистр Руи?

– Ничего страшного, говори при нём. Ты сказал, дело срочное?

– Д-да, ваше магичество... Это ужасная новость...

– К делу ближе, – в голосе магистра явственно послышались нотки нетерпения. Он никогда не любил тех, кто попусту тратил время, особенно его.

– Госпожа Энайя... Убита.

Возникло тяжёлое молчание.

Тогда, только успевший очнуться, был на грани нового обморока. Ведь это невысказано. Одна из Восьми, могучая госпожа Энайя, обладала огромной магической силой. Как и кто мог дерзнуть убить её, к тому же преуспеть в этом?!

Решив и далее изображать спящего, юноша вслушался в диалог.

– Жаль. Она была лучшей женщиной, – проговорил его отец традиционную в таких случаях фразу, – когда это произошло?

– Сегодня, ваше магичество... Она сама послала нам сигнал и...

– И?

– И она передала вам несколько слов, Великий Магистр.

– Каких же? – Тогда догадывался, почему отец сам не получил сообщения – он был занят магическим отправлением сына, что требовало закрытия от мира и прочих магов. Даже сам Иннекони не смог бы в такой момент до него достучаться.

– Слово в слово, Великий Магистр: «Руи, твой сын выполнит нашу волю, отправь его скорее к остальным».

В кабинете отца повисла гнетущая тишина.

– Сын?

Притворяться было бессмысленно.

– Да, отец?

– Отправляйся к себе. Собери всё необходимое для похода. Не медли.

Молодой человек аж чуть не рухнул с кушетки.

– Похода? Куда? Не понимаю...

– Ты идёшь в долгий путь, лишнего не бери. Мелик пойдёт с тобой. Он же введёт тебя в курс дела.

Тогда посмотрел на стоявших напротив стола отца двух магов, одним из которых и был Мелик. Самоуверенный и гордый. По лицу второго можно было явственно прочесть облегчение.

– Всё-таки я хотел бы узнать, что происходит? Куда ты

меня отправляешь? – он был готов кричать. Тогда ещё не отошёл от ужасного видения, а теперь это.

Великий Магистр Руи, его отец, один из Восьми, медленно прошагал к нему и положил свою руку на плечо юноши, глядя ему в глаза. В этот миг он казался таким слабым и старым, будто древний лист пергамента. Сдавленным голосом тот произнёс:

– К тем из Восьми, кто ещё жив.

***

Тогда стоял в своей комнате и растерянно обводил её взглядом. В ней не было ничего такого, что раскрывало бы его характер. Ни рисунков, ни безделушек из детства. Стол, шкаф, койка и стул. Большого, по сути, молодому магу при Академии и не было нужно.

Конечно же, он мечтал когда-нибудь воссесть в кабинете отца за его роскошным столом из редкой древесины бабоа, дерева, которое больше не росло на просторах Единого мира. Он часто представлял себе, как он смотрит из-за этого стола на стеллажи с древними книгами и фолиантами самых разных эпох...

Но теперь ему хотелось оставаться в своей скромной комнатке, в привычной обстановке, безопасной и даже уютной.

Кто-то убивает магов. Он думал, что это не более чем слухи, пока не подслушал донесение Магистру... Госпожа

Энайя... Почему? Маги являлись основой общества. Они помогали людям, защищали их от бед и болезней, лечили травмы и принимали роды. А магические умения банемидов славились своей незаменимостью в строительстве и металлургии.

Однако то, что юноше показал отец, и то, что маги в опасности, пока не складывалось у него в голове в целую картину.

Кричащий человек из пламени...

В Академии существовали твёрдые запреты на определённые заклинания и направления изучения. Под них попадали все изыскания относительно возвращения жизни умершему и придания жизни неживому. Стихийная магия была нужна и изучалась лишь в качестве инструмента для облегчения быта населения и его защиты. Один из постулатов магии прямым текстом запрещал создавать жизнь из не жизни. Каждому неофиту ежедневно вбивали это в голову. Кара за подобные эксперименты была очень суровой – лишение магических сил и знаний. Данную процедуру мог провести только магистр и только с одобрения Совета.

Однако получалось, что основоположники магических учений, легендарные Восемь, первыми и согрешили в этой области. Тогда знал, что цель, безусловно, должна была оправдывать средства в данном случае. И, видимо, оправдала, ведь он рос в мире процветания и порядка. Но в глубине его сознания зрела мысль, что теперь мир пожнёт плоды такого магического кощунства.

В комнату вошёл Мелик.

– Ты ещё не собрался? – спросил он, глядя на пустой мешок у ног Тоды. – Великий Магистр Руи велел не медлить.

Тода вынужденно улыбнулся.

– Велел. Вот только сказал бы он, что мне понадобится, я же никогда не покидал город.

Мелик самодовольно усмехнулся.

– На то я и здесь. Мне велено помочь тебе.

Он прошествовал к шкафу юноши и принялся выгребать из него всё, разбрасывая вещи в две кучи.

Тода стоял по-прежнему. Он наблюдал за тем, как Мелик, чьи волосы уже были тронуты сединой, но кто вёл себя подобно юнцу, сколько его помнил Тода, лихо копался в его портках и робах, наводя хаос в его комнате.

Вздыхнув, молодой человек принялся помогать ему.

«Вернусь ли я сюда? Увижу снова Академию и когда? Когда я смогу снова увидеть Рамиллу?» – мысленно обругав себя за глупость, Тода прогнал лишние мысли прочь.

Сейчас надо было думать о предстоящем пути и поставленной перед ним цели, которая с каждой новой мыслью о ней становилась всё более значимой.

***

Высшие маги умели перемещаться на большие расстояния с помощью мысли и внутренних сил. Им достаточно было детально представить нужное место в пределах их силы.

Раз – и они уже там. Но такие, как Тода, кто даже Испытание не сумел пройти, не могли переместиться и на два шага вперёд, не используя физические возможности собственных конечностей.

В который раз он задался вопросом, почему отец отправил его.

Госпожа Энайя когда-то давно была могущественнее даже Великого Магистра Руи, но возраст взял своё. Она впадала в старческую болезнь – не помнила своего имени, имён своих помощников и прислужников. Единственным, что не выходило из её головы, были заклинания, которые она так и норовила использовать невпопад.

Поэтому Совет решил изолировать её от общества на Дальнем Западе, в Холмистых Долинах, под неусыпным присмотром двух десятков опытных магов. И если Энайя была мертва, то, по всей вероятности, её сопровождение тоже.

Великий Магистр разумно предположил, что отправляться в Долины нет смысла, ведь на кону стояли ещё две жизни. Не считая его.

Тода должен был отправиться в город, который носил скрежещущее название Кхарназ, располагавшийся южнее Ллорндера на целых сорок повозок. Одна повозка обозначала продвижение экипажа, запряжённого тремя волами в течение трёх дней.

В Кхарназе обитал ещё один из Восьми. Этот гений магии отказался от магического искусства, по слухам, собственно-

ручно стерев себе память. Лёгкая жертва, если размышлять как убийца.

От столицы маги пропутешествовали на экипаже только до небольшого поселения людей-скотоводов в двух повозках от неё. Далее им предстояло передвигаться менее заметными способами. Однако пеший столичный маг с важной миссией не был обделён поддержкой Совета.

Размяв спину, Тода сменил свои сандалии на слегка великоватые ему сапоги. То были сапоги вестников, напитанные магией воздуха. Нет, конечно же, в них никто и никогда не смог бы летать, но они заметно ослабляли силу притяжения и снижали сопротивление воздуха, что способствовало увеличению скорости передвижения их носившего. Только люди, умевшие обращаться со стихийной магией, могли использовать эти сапоги, неумеху они попросту перевернули бы с ног на голову. Весь фокус заключался в концентрации, как всегда.

Поэтому весь путь до следующего населённого пункта путешественники проделали молча, чтобы не сбиваться с темпа, не теряя концентрацию. И там, где простой человек сделал бы четыре шага, они делали по одному.

Изредка какой погонщик или торговец, направлявшийся в столицу, улыбался и махал рукой, завидев двух мужчин, скачущих через поля в развевающихся походных плащах. Это было забавное, хотя и несколько привычное зрелище для этих мест.

У них ушёл целый день на путешествие к ближайшей деревушке, до которой они добрались около полуночи. Деревенька была небольшая, всего около десяти домов, во мраке сложно было сказать наверняка. И только в двух из них мерцал свет.

– Нам надо потребовать ночлег у тех, кто ещё не спит. А если спят, разбудить и потребовать, – Мелик решительно зашагал к крыльцу ближайшего дома из тех двух, что источали свет свечи. Сапоги уже были сняты, а на ногах вновь обуты привычные магам сандалии.

– Постой, Мелик! – Тогда успел схватить старшего товарища за руку. – Мы не можем требовать крова у простых людей среди ночи...

– Мы маги от Академии, конечно же, можем, – казалось, он был даже немного озадачен словами своего спутника.

– Именно поэтому мы и не будем требовать, – крикнув пару раз, Тогда сбросил свои сапоги и убрал их к себе в рюкзак. Резво надев сандалии, он направился к крыльцу, – Слышал что-нибудь о вежливости?

– Хм, я пресмыкаться перед грязными смердами не намерен.

– А я – тоже, просто попрошу.

Юноша постучал в дверь. Легонько. За его спиной явно хмыкнул Мелик.

Тогда постучал ещё раз, чуть сильнее. Где-то за дверью слышалось шарканье, скрип половиц и невнятное бормота-

ние.

– Простите нас, – обратился Тода к тем, кто был за дверью, – мы путешественники, следуем в Кхарназ. Впереди у нас долгий путь, нам не хотелось бы проводить ночь под открытым небом... – тут на его плечо упала рука Мелика и его отстранила от двери.

– Мы маги Академии, открывайте! – не успел он сказать последнее слово, дверь открылась и на них уставились две пары глаз. Это была пожилая семейная пара, судя по всему. Лица выражали беспокойство.

– Вот так-то лучше! – Мелик презрительно глянул на своего спутника, но тут хозяин дома протянул руку и ухватился за ткань его робы.

– Вам лучше не идти в Кхарназ, господин маг.

– Что? – Мелик с неприязнью стряхнул руку старика. – Это нам решать, куда идти или не идти, виллан.

Старик испуганно одёрнул руку.

– Господин, – женщина потеснила мужа, – прошу, не гневайтесь, заходите, пожалуйста! – и локтем ткнула супруга в рёбра.

– Да, да, милости просим! – старик раскланялся и показал руками куда-то назад.

– Ещё бы... – еле слышно процедил Мелик и уверенно прошагал внутрь мимо них.

Тода вежливо поклонился в ответ и мужчине, и женщине.

– Дарует Единый вам хороших лет и защитит от невзгод, –

сказал он.

В Едином мире люди и банемиды верили в разных богов и духов, но все верования сводились к одной непреложной истине – у Единого мира должен быть Единый бог, его сотворивший. В древних манускриптах говорилось, что когда-то очень давно мир состоял из нескольких больших островов, называемых материками. И из-за этого его постоянно сотрясали войны. Жителям одного материка всегда казалось, что на другом чересчур благоприятные условия для жизни. Однажды Единый не выдержал и решил изменить существующий порядок, разорвав цепь постоянных войн. Своей божественной силой он объединил разрозненные земли, сотворив тот мир, который теперь носил его имя.

Сам Тода, конечно же, считал это абсурдом, однако он никогда не жил в таких условиях, когда надо бороться за своё благосостояние, как эта пожилая пара. В их одеждах, мозолистых руках, изнурённых лицах и согнутых спинах он видел те трудности, которые они преодолевали каждый новый день.

Глядя на них, Тода ощутил себя немощным.

Не стоило удивляться тому, что обычные вилланы чаще всего являлись верующими, ведь суровая жизнь побуждала их верить в нечто большее, чем кирка, лопата и грабли.

– Да благословит вас Единый в делах и мыслях, господин маг! – почти одновременно ответили старик с женой.

Тода прошёл внутрь дома.

***

Их путь продолжался. Они вновь направлялись в Кхарназ, однако Тода чувствовал куда большую тревогу, чем до этого.

Вилланы, у которых они провели предшествующую ночь, рассказывали страшные вещи об этом городе. Мелик, конечно же, не воспринял «бредни неучей» всерьёз, чего нельзя было сказать о куда более впечатлительном Тоде. К тому же он полагал, что в их пути любая информация будет полезна.

Старик, которого звали Брон, рассказал, что неделю назад к ним в деревню приезжал торговец, чей маршрут пролегал через Кхарназ. Торговец не был похож на шутника. Когда речь зашла о городе, тот очень рассердился, сказал, что «тамошние фанатики» отобрали у него всё мало-мальски магическое, безделушки и инструменты, объявив о «выполнении воли Единого отца», да ещё добавили, чтобы, мол, благодарен был за сохранение собственной шкуры в целости.

Но тревожнее всего были слова торговца об увиденном у окраины города, прямо под северными воротами. Будто бы собственными глазами он видел кресты-мучители.

Тода представить себе не мог, что кто-то способен был казнить преступников этим древним и варварским способом, ведь маги Кхарназа могли бы, как и прочие маги-экзагуторы, просто стирать разум совсем заблудшим злодеям, превращая их в трунов – неразумных рабов для физического труда (кладка стен, выкапывание траншей, очистка стоков и

прочее, не требующее большого ума).

Но кресты-мучители...

Должно быть, торговец всё-таки приукрасил свою историю, чтобы вызвать переживания среди крестьян, может быть, ему было это на руку.

«А если это правда?» – мысль укоренилась в голове юноши, но он всё же сумел её отодвинуть подальше, ведь и без того уже заметно отстал от своего спутника.

Вот уж кого «нелепые рассказы вилланов» никак не заинтересовали. Мелик бывал уже в Кхарназе несколько раз и запросто поверить в то, что город кардинально изменился, не мог.

Города не меняются вдруг, как и жители в них. А если бы и менялись, то об этом было бы известно не только кучке крестьян, но и Совету в столице.

С редкими остановками путники преодолели уже немалую часть пути. Тогда подсчитал и пришёл к выводу, что с таким темпом они доберутся до пригородов Кхарназа за срок дней.

В итоге он не досчитался одного дня. И чем ближе они были к городу, тем мрачнее становились. Даже Мелик был вынужден принять во внимание слухи. Игнорировать одну и ту же информацию из разных уст было бы уже глупостью. А этот седовласый маг дураком не был, хотя подобного гордеца нужно было постараться поискать.

Идти прямо в город они не стали, а решили обойти околь-

ной дорогой через лес со стороны южной стены.

В пригородных деревеньках мага поразила мрачность и даже враждебность местных жителей.

Мелик ещё две повозки назад решил не называться магами, чтобы не накликать беду.

Местные изучали их с нездоровым интересом, задавали навоящие вопросы, сами отвечали с неохотой. Но встреченных ими вилланов, солдат и торговцев устраивала легенда, что путешественники являлись картографами и направлялись в Кхарназ по особому распоряжению Совета столицы.

Однако стражу у ворот подобная история вряд ли устроила бы.

И оба мага прекрасно понимали, что в городе действительно происходило нечто крупное, что-то заставляло людей нервничать.

Когда маги вышли из леса, то встали как вкопанные.

Прямо напротив них, под самой городской стеной, выселись кресты-мучители. Но не эти перекрещенные буквой «х» столбы заставили мага покрыться гусиной кожей. Около дюжины этих страшных орудий пыток было кем-то установлено. И на каждом было по телу.

Молодой человек почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Мужчины, женщины, даже несколько совсем юных тел, нагие и изуродованные, некоторые пожелтевшие, другие уже раздувшиеся, несколько засохших, но страшнее всего было то, что на некоторых виделось слабое движение.

Не успев подумать, юноша ринулся вперёд. К своему удивлению, весьма приятному, он обнаружил, что его спутник шагает вместе с ним, не предпринимая попыток остановить его.

Ему хотелось побежать, но в том не было нужды. Его сапоги помогли ему добраться до первого несчастного за несколько шагов.

– Потерпите немного, мы поможем вам! – Тогда принялся лихорадочно копаться в своей сумке, пытаясь отыскать кинжал. У каждого мага был с собой кинжал. Это и средство самообороны (в тех редких случаях, когда магии было недостаточно), и полезный в магическом ремесле инструмент.

Прежде чем он нашёл-таки свой кинжал, Мелик произнёс заклятие, используя что-то из своих вещей. Раздался лёгкий треск, и верёвки, которыми был привязан человек по рукам и ногам к кресту, лопнули, истлев.

– Тебе ещё учиться и учиться, юнец... – пропыхтел он, поддерживая еле живого мужчину. Казалось, что все силы того уходили, чтобы просто дышать.

Мелик внимательно осмотрел его и покачал головой.

– Плохо дело, тут и нарушение кровообращения, и тепловой удар, и обезвоживание, а ещё посмотри на эти язвы у него на голове... Явно мясоедка отложила выводок.

На лбу и макушке страдальца были гниющие шишки, и Тогда осознал необратимость ситуации. Дело дрянь. Даже если они смогли бы помочь несчастному по первым трём пунк-

там, то с последней проблемой – с личинками мясоедки – в полевых условиях точно не справиться.

Это страшное насекомое являлось одним из самых живучих, и большую часть своего существования она проводила именно в личиночной стадии, прогрызаясь всё глубже и глубже в ткани своего носителя. Чем больше шишка на теле, тем глубже засело насекомое внутри. Кости её не останавливали, даже кости черепа.

– Что же нам делать, как ему помочь? – Тогда испытывал такой сумбур эмоций, о каком и предположить не мог: страх, гнев, растерянность, жалость. Всё это грозило истерикой.

– Пойди посмотри, кто ещё жив, и спусти их с крестов. Только аккуратно.

– А он?

– Иди, не продлевай их мучения, коли взялся им помогать! – Мелик бросил на него гневный взгляд. Правда, было в том взгляде ещё что-то.

Юноша повернулся к следующему кресту.

На этом кресте висела женщина, судя по виду, довольно давно. Во всяком случае, много дольше того мужчины, которому они бросились помогать первому. Её раздувшиеся ноги, почерневшие кисти и стопы, вспученный живот, свисавший мешком книзу, пустые глазницы, голова, в агонии закинута к небу... Эта картина заставила его отвернуться и выплеснуть свой скудный завтрак себе под ноги.

Справившись с новым приступом тошноты, Тода поднял

затуманенный слезами взгляд, вытирая рукавом губы. Он увидел, как его старший товарищ, аккуратно прижимая голову страдальца к своей груди, молниеносным и уверенным движением вонзил свой кинжал тому под рёбра в области сердца.

Тогда понимал, что другого пути решить проблему не было. Снятого ими с креста человека ждала только бесконечная агония, полная беспомощности от нестерпимой боли.

– Чего стоишь? Они сами с крестов не сойдут.

Мелик прошагал мимо него, вытирая кинжал о полу походного плаща.

Собрав свою волю в кулак, Тогда вновь повернулся к крестам. Безглазая женщина так и была обращена к небу с застывшим криком. Молила ли она? Проклинала, умирая? Или всё сразу?... Видели ли всё это её родные? Или они на соседних крестах?!

Неверными шагами он поковылял к Мелику, который уже снимал едва живую женщину-банемида. Занятие не из лёгких, потому он потрусил к нему быстрее, успев вовремя подхватить двухметровое тело.

– У тебя есть розовый лист? – спросил Мелик, порывшись в своём рюкзаке.

Розовый лист являлся чрезвычайно мощным средством со множеством положительных свойств. И только маги Академии имели к нему доступ, так как розовое дерево выращивалось только в столице под присмотром старших магов.

Процесс этот кропотливый, долгий и трудоёмкий, однако результат того стоил. Розовый лист и обеззараживал раны, и снимал боль любой интенсивности, а настойка из него могла даже обратить заражение крови на определённых стадиях.

Тода извлёк бумажный конверт с целебным растением из своей сумы.

– Держи.

– Отлично, нам понадобятся и мой, и твой.

Мелик всю корпел над измученной банемидкой. Её широкая нагая грудь поднималась и опадала с пугающей задержкой. На ней видны были рубцы и порезы, синяки и ссадины, но не было и следа мясоедки. Это уже было достаточно хорошо. Как и то, что жизнь не оставляла эту женщину. Пока ещё не оставляла.

– Займись делом, посмотри других. Поищи тех, кто ещё дышит.

Юноша поспешил выполнять поручение.

***

Из всех распятых на крестах-мучителях шанс выжить имела только женщина-банемид. Трое остальных, кто ещё продолжал дышать, стали жертвами смертельных паразитов.

Осторожно переместив тело спасённой ими подальше от места казни, в подлесок, из которого они вышли, маги принялись ждать, придёт ли несчастная в сознание.

Оба молчали. Ни одному из них не хотелось говорить. То-

да переваривал всё увиденное и испытанное. Его слегка знобило.

– Что ты об этом думаешь, малец? – юноша вздрогнул – так глубоко он ушёл в свои переживания.

– У меня полно мыслей... И ни одной конкретно...

– Понимаю, – Мелик выглядел сосредоточенным и мрачным. Так он соответствовал своему возрасту и сединам, – знаешь, очевидно же, что эта женщина из банемидов, – он кивнул на укрытое его походным плащом тело, – и, конечно же, ты должен знать, что банемиды – маги от рождения, в отличие от нас, людей.

Тогда знал, как и любой нормальный человек, что высокорослые, худые, с лишними рёбрами (по человеческим меркам), да ещё с короткими кожистыми хвостами банемиды – исходные маги. Им не требуется особых навыков концентрации и вороха ингредиентов для заклинаний, ведь их магия была не компонентной, а изначальной, что происходила из их собственного энергетического поля. Вследствие этого банемиды в редких исключениях не могли использовать стихийную магию. Зато, просто приложив руки, они могли отправить энергетический импульс, заставив кровь бежать быстрее, металл сливаться с другим металлом, камень обращаться в песок и наоборот. Юный маг вдруг понял, к чему вёл Мелик.

– Банемид мог освободить себя из пут самостоятельно... – проговорил он вслух.

– Именно. Но она этого не сделала. Я изучил её руки, они не сломаны, сухожилия не перерезаны. Но даже если бы так и было, это не явилось бы проблемой для неё.

– И всё же она здесь, спасённая нами...

– Да... Что могло заставить её не оказывать сопротивления, не принимать смерть менее жестокую?!

Немного помолчав, он добавил:

– И вообще, какого Единого здесь происходит? Почему в столице об этом ни слова? Без поддержки в Совете невозможно утаивать дела целого города.

Тогда смутился.

– Ты хочешь сказать, что это...

– Заговор, да, – закончил за него Мелик.

Интриги для столицы когда-то были делом обыкновенным, но с тех пор, как правление королевской династии сменилось властью Совета, они сошли на нет. Маги понимали друг друга и поддерживали. Если где и кипели страсти, так незначительные. Но чтобы мятеж целого города, сокрытие об этом в верхах... Это было уже чересчур для восприятия юноши, в силу возраста привыкшего верить в незыблемость реалий, его окружавших.

И судя по выражению лица его старшего товарища, не только он не был готов к такому.

– Мелик, а ты можешь передать сообщение моему отцу?

Тот лишь покачал головой.

– Я во многом хорош, но не во всём. Тем более в передаче

посланий на расстоянии. К тому же сорок повозок – весьма солидное расстояние. Только старейшины и верховные смогли бы такое осилить.

«Значит, мы одни... Что же нам делать?!»

– Подождём, может, узнаем у этой несчастной что-нибудь важное и полезное, – в передаче мыслей на расстоянии он не был силён, а вот мысли читал прекрасно.

И тут Тода задумался: сколько мыслей Мелик выловил из его головы во время их путешествия? Как много оскорблений в свой адрес?

– Не беспокойся. Эта способность, как и прочие магические, требует концентрации. А тратить силы наковыряние в голове влюблённого подростка – Единый сохрани!

Юноша почувствовал облегчение. Правда, он весь залился краской, ничего не смог поделывать. Он ведь ещё до конца себе не признался в собственных чувствах к Рамилле. О, как же было прекрасно вспомнить о ней сейчас, когда хаос бушевал внутри и вокруг него. Его сознание как будто растворялось в образе этой обворожительной девушки, чей томный взгляд, густые ресницы, длинные волосы цвета вороньего крыла – всё в ней заставляло его сердце плясать и задыхаться. А этот силуэт барнийской фигурки, которых девочки в столице скупали в лавках игрушек, её походка, будто парящей над землёй снежинки...

Внезапно раздался хриплый стон. Оба мага тут же подскочили к пришедшей в сознание женщине. Мелик дал ей

немного воды и поинтересовался, может ли он сделать для неё что-то ещё.

– Д-да... У... Кхм... Прости, маг... Убей меня, – её лицо было маской боли, глаз она не открывала.

Тода был в смятении.

– Госпожа, мы хотим помочь вам, а не убить вас!

Она едва приподняла веки и ненадолго посмотрела на юношу.

– Понятно... Совсем... Незрелый... – с трудом сглотнув, она продолжила, – тебе есть зачем жить, мне – нет...

Тода хотел ей возразить, но Мелик знаком остановил его, указав на женщину. Она провалилась в сон. На этот раз её дыхание было ровным.

Отойдя от неё, маги снова уселись друг напротив друга.

– Средняя продолжительность жизни банемидов меньше человеческой, ты знал, Тода?

– Да, но...

– Может, это связано с тяжестью их скелета, может, из-за магии внутри них. Толком никто не знает, да и мало кому это настолько уж интересно, – Мелик зевнул, – поэтому банемиды ценят жизнь куда больше нашего...

– Но ведь она просит убить её!

– ...Но куда больше собственной жизни они ценят свои кланы, семьи, свободу, что делает их сильнее людей. И опаснее, – Мелик не обращал внимания на попытки своего юного спутника вставить свою мысль, – Кхарназ означает «желез-

ный камень», если перевести название на людское наречие. Он был основан банемидами. Поколения их сменялись в нём веками... Ты видел на крестах других банемидов, кроме неё?

Тогда понял, к чему тот вёл.

– А теперь, если добавить те слухи, что мы слышали, о запрете любой магии в городе, об агрессивном настроенных стражниках по отношению к магам... Банемиды – магический народ. Гордый народ. Их гордость должна служить примером нам, людям. Представь, что им запретили вдруг использовать магию, которой они живут, которая течёт в них, как кровь в наших и их венах, запретили в родном городе, с самого основания принадлежавшем их расе?

– Но не может же быть, что эта женщина...

– Увы, но похоже на то. Видимо, она последний банемид Кхарназа.

***

Женщина больше не пришла в себя. По крайней мере, её смерть была менее ужасной, чем могла бы быть. Это было слабым утешением, конечно. Однако они сделали всё, что могли.

Теперь перед магами стоял иной вопрос – что делать дальше? Возвращаться назад не имело никакого смысла. Во всяком случае, необходимой информации они не получили. Им до сих пор было неизвестно, ради кого они шли из столицы. Если одного из Восьми сгубили в Кхарназе, то Мелик с То-

дой должны узнать это наверняка, прежде чем окажутся в Ллорндере.

Ситуация оказалась куда серьёзнее, чем казалось ранее. Они рискуют и сами попасть на кресты-мучители, если открыто войдут в город.

Теперь Тода понимал, почему именно он был отправлен с Меликом. Ввиду возраста, он может сойти за слугу, ученика или пажа своего более видного и статного товарища в сединах, во внешнем виде которого и манере держаться с лёгкостью читалось многое.

Мелик молча смотрел на город. На поверку он оказался отнюдь неплохим человеком. Юноша почувствовал что-то, напоминающее детскую радость и благодарность, от мысли, что рядом с ним такой товарищ. А ещё Тода был рад тому, что кроме него было кому искать выход из сложившейся ситуации.

– Ты пойдёшь в город как маг-неофит, – проговорил Мелик.

Замешательству юноши не было предела. Он ожидал иного плана – притвориться торговцами, путешественниками, картографами, в конце концов. Но войти в город, где убивают магов, назвавшись таковым, пусть и неофитом, было бы явным самоубийством.

– Нет, если они и вправду прикрывают свои чёрные дела поклонением Единому.

– Опять читаешь мысли?!

– Так быстрее, только и всего, – Мелик поднялся и потянулся вверх, обратив лицо к нависавшей над ним ветви дерева. На мгновение он стал похож на ребёнка, пытающегося достать небо руками. Тогда решил, что его разум устал.

– Когда-то давно, ещё до того, как я попал в Академию, мой покойный дядюшка рассказывал одну занимательную историю. В ней восемь магов победили зло и запечатали его на каждой из сторон света. По прошествии многих лет простые люди позабыли подробности этой истории, сохранив в памяти лишь суть. Восемь победили, мир был спасён, зло заперто. Много позже появились фанатики, объявившие, что легендарные маги на самом деле сами учудили куда большее зло, чем побеждённое ими. Мол, во всём повинна их магия. Эти убеждения быстро захватили умы простых и недалёких вилланов! – он буквально выплюнул это слово. У него явно был на них зуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.